

ЯРВИН КЁРТИС
ТЁМНОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ
АМЕРИКАНСКИЕ
КОНСЕРВАТОРЫ
ПРОТИВ
ИМПЕРИИ
И СОБОРА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Ярвин Кёртис
Темное просвещение.
Американские консерваторы
против Империи и Собора
Серия «Документальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69325852

*Темное просвещение. Американские консерваторы против Империи и Собора. / Ярвин Кёртис: Родина; Москва; 2023
ISBN 978-5-00180-838-1*

Аннотация

Америка рушится. Западный мир летит к чёрту. Ничто уже не может остановить это падение. Полчища мигрантов захватывают Европу, заставляя вспомнить о нашествиях варваров. Традиционная семья разрушается, а власть в странах Запада оказалась в руках феминисток, ЛГБТ и либеральных интеллигентов – новых браминов, объединённых в единый Собор. На руинах Западной цивилизации возникают новые воины, способные остановить распад, – неореакционное движение.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Кёртис Ярвин	5
Предисловие редактора	6
Путешествие в самый тёмный уголок криптосферы	9
Манифест формалиста	19
Небольшой комментарий к переводу	20
«Манифест формалиста»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ярвин Кёртис
Темное просвещение.
Американские
консерваторы против
Империи и Собора

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© Ярвин К., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Кёртис Ярвин
Неореакция. Американские
консерваторы против
Империи и Собора

Предисловие редактора

Мы, жители постсоветского пространства, в массе своей люди темные. К сожалению, это касается не только простых людей, но даже интеллектуалов.

Разумеется, традиции народнической и революционной начитанности никуда не делись, но в нынешнюю суровую пору они как-то поужались, уступив место жлобству или новомодному хипстерскому верхоглядству.

К величайшему сожалению, даже интеллигентные молодые люди у нас по-прежнему питаются давно протухшими интеллектуальными консервами в лучшем случае семидесятых годов.

О чём можно говорить, если новомодный молодёжный блогер выпускает целый документальный фильм про Колыму (совершенно бездарный, разумеется), – а наши историки, общественные деятели, властители дум и прочие публицисты сразу все скопом начинают его разбирать, то ругая, то восхваляя.

Увы, мы вынуждены признать, что в интеллектуальном смысле застряли где-то в двадцатом веке: наша литература – это либо соцреализм в новых условиях, либо кондовая антисоветчина, в стилистическом отношении от соцреализма не отличимая (сравните «Бруски» и «Архипелаг ГУЛАГ»), либо в лучшем случае лимоновщина, идущая родом из тех

же семидесятых.

Это же касается нашей философии и гуманитарной мысли вообще: на наших гуманитарных кафедрах так и восхищаются мнимой новизной русской религиозной философии (которая закончилась в 1920-х, а массово привлекла интерес публики в 1980-х). К настоящему времени Франкфуртская школа остаётся вершиной новизны, прогрессивности и современности, доступной среднему российскому интеллигенту.

Конечно, ситуация последние годы начинает постепенно выправляться. Появляются новые авторы, выходят новые книги. Русская литература постепенно и с болью уходит от Солженицына и Симонова, исчезает лимоновкой-прилепинский автофикшн про суровых мужиков.

Меняется идеология: на место старой проблематики с болью приходит новая, распространяется феминизм, до этого как самостоятельная идеология в России практически неизвестный.

Некоторые изменения происходят и на правом фланге. Вместо опостылевших зигомётов появились сначала интеллигентные хипстеры из читателей «Спутника и Погрома», быстро канувшие в Лету, а за ними уже пришли нынешние странноватые правые.

Разумеется, смена парадигм происходила не только у нас. Более того, Россия в современном мире как ни крути до последнего времени ещё оставалась периферией мира, вынуж-

денной кормиться объедками со столов западных хозяев.

Теперь это преодолено, однако же ещё не до конца. Нам предстоит теперь быстро, в кратчайшие сроки освоить достижения западной левой и правой мысли за последние полвека. Только так мы сможем отбросить наше собственное и чужое барахлом двадцатого столетия и породить новую традицию, которая заменит евроатлантическую.

Вот и мы предлагаем вам прочитать книгу одного из самых парадоксальных консервативных мыслителей современной Америки – Кёртиса Ярвина.

Из этой книги вы узнаете, почему американцы устали от демократии и жаждут абсолютной монархии, почему в Британии и США давно уже нет никаких правительств вообще, как феминизм превратился из левого движения в ультраправое, а также о том, что такое Собор и как противостоять его влиянию.

Полагаю, книга будет интересна всякому думающему русскому человеку.

Марат Нигматулин

Путешествие в самый тёмный уголок криптосферы

Даже если вы думаете, что достигли самого тёмного, пугающего, оккультного уголка криптосферы, всегда сохраняется возможность отыскать нечто худшее. И это худшее – «Тёмное просвещение», вызывающая нездоровый ажиотаж философия, адептами которой выступают самые фриковатые члены криптовалютного сообщества.

«Тёмное просвещение», также известное как «неореакционное движение» или просто «неореакция», и сокращённо именуемое «NRx» его сторонниками, рисует картины нового дивного мира, в котором киборги правят феодальными княжествами, а этос стартапов Кремниевой долины сочетается с «селективным разведением» Платона. «Тёмное просвещение» – гибридный продукт, который демонстрирует, какой проект реальности может возникнуть в головах новых правых, когда те вместо твитов Трампа начинают читать Ницше и Лавкрафта. Звучит сумбурно? Попробуем разобраться.

Основателем этой системы является Ник Ланд (встречается также написание «Лэнд» и «Ленд»), английский философ, писатель и блогер (на фото выше). С 1987 по 1998 он преподавал континентальную философию в Уорикском университете. Там вместе с женой Сэди Планта, известной в кругах

«киберфеминисток» писательницей, в 1995 он основал общество Cybernetic Culture Research Unit (Кибернетический культурный исследовательский центр).

Впоследствии Плант покинула CCRU, который возглавил Ланд. На базе центра он занимался изысканиями в таких сферах, как оккультизм, рейв-культура, научная фантастика, а также изучал философию постструктурализма на основе работ Мишеля Фуко и Жака Деррида. Постструктуралисты считают, что знание не может иметь своим фундаментом ни опыт, ни какие-либо определённые «фундаментальные» истины и выступают за свободу от самого основания знания. Постструктурализм послужил философской основой постмодернизма.

В 2012 Ланд опубликовал сетевой манифест «Тёмное просвещение». В нём Ланд осуждает демократию и цитирует сооснователя PayPal и сторонника Дональда Трампа миллионера Питера Тила, который ещё в 2009 году заявил: «Я больше не верю, что свобода и демократия совместимы».

Одним из мыслителей, повлиявших на становление концепции Ланда, является Кёртис Ярвин, пишущий под псевдонимом Мэн-цзы Молдбаг, американский программист и видный мыслитель «новой реакции». Ярвин превозносит рабство, отмечая, что представители определённых рас больше годятся на роль рабов, а также полагает, что феодализм превосходит демократию.

Ярвин грезит о новом феодализме, где королевства будут

выглядеть как корпорации, руководители которых станут играть роль королей. Не скованный цепями демократии, руководитель/директор (именно и исключительно в мужском роде, потому что это будет мужчина) станет принимать решения, которые будут благотворны, потому что экономически целесообразны (выгодны). Директор будет иметь высокий коэффициент умственного развития, или даже будет киборгом, продуктом евгеники и технологии.

Неофашистская составляющая «Тёмного просвещения» выражается в положении о том, что расы не равны, а женщины годятся лишь для домашнего рабства. Сторонники NRx вуалируют свой расизм эвфемизмом «человеческое биоразнообразие». Расовая теория прямо связана с их желанием избавиться от демократии: ведь, если люди не равны, почему мы должны жить в обществе, где ко всем относятся одинаково? Одни расы по природе своей лучше подходят на роль правителей, чем другие, отсюда опора сторонников «Тёмного просвещения» на различные формы аристократии и монархии (отнюдь не в символическом смысле, а как традиционное «божественное право» королей).

По мнению последователей движения, нынешний миропорядок, с его ценностями демократии и прав человека, существует благодаря «Собору» (другие конспирологи называют его Новым Мировым Порядком): консенсусу академических кругов, прессы и политического истеблишмента, закрепляющему статус кво и препятствующему инакомыслию.

Можно сказать, что всё это идеи кучки расистов и маргиналов, однако в последние годы они проникают в мейнстрим. Стив Бэннон, американский альтернативно-консервативный политический активист, республиканец, который с 20 января по 18 августа 2017 года был главным стратегом и старшим советником Трампа и одним из наиболее влиятельных сотрудников администрации президента, хорошо знаком с работами Ярвина. По данным Politico, он контактировал с Ярвином в период своей работы в Белом доме (впрочем, сам Ярвин это отрицает).

Миллионер Питер Тиль поддерживает стартап Ярвина Urbit и разделяет идеи «Тёмного просвещения». В ходе лекции в Университете Стэнфорда в 2013 году Тиль заметил: «Фактически, структура стартапа копирует устройство монархии. Конечно, мы избегаем называть стартап монархией. Подобный термин кажется безнадежно устаревшим. Всё, что не есть «демократия», заставляет людей нервничать».

Хотя и связанное с «альтернативными правыми» (хотя бы в силу идеи превосходства белой расы), «Тёмное просвещение» носит отпечаток скорее элитизма, чем популизма. Благодаря «селекционному разведению» сторонники течения надеются создать барьер между белыми людьми с мощным интеллектом и «азиатами».

Что общего у рассматриваемого явления с блокчейном? Во-первых, Ярвин, в известном смысле, – основоположник «Тёмного просвещения». Его компания Urbit представляет

собой одноранговую сеть, состоящую из персональных серверов и позволяющую пользователям владеть их цифровыми идентичностями. Согласно вебсайту Urbit, «сетевые тождества на этой площадке являются криптографической собственностью, как и в случае биткоина». Создатели проекта утверждают: «Если биткоин – это деньги, а Ethereum – закон, то Urbit – это земля».

В сентябре прошлого года Ярвин и его коллега Гален Вольф-Поли объявили, что Urbit перейдёт на блокчейн Ethereum, однако отметили, что, хотя и не навязывают никакой конкретный блокчейн, «биткоин – самая мощная цепь».

Примечательно, что Ярвин, с его симпатиями к феодализму, называет Urbit «землёй». Однако идея о том, что каждый сможет владеть цифровой землёй, противоречит представлению Тиля и Ланда, согласно которому править должны исключительно «достойные» руководители-короли с высоким интеллектом.

Вебсайт Urbit позиционирует свою модель в качестве «республиканской», в рамках которой «имущественные права продиктованы обстоятельствами и случайны, а не основаны на моральных критериях или способностях».

Как уже было сказано выше, «Тёмное просвещение» пересекается с теориями превосходства белой расы и идеями групп, выступающих против иммиграции, таких как VDARE Foundation. The Southern Poverty Law Center описывает сайт VDARE как «площадку, где лидеры анти-им-

мигрантского движения с интеллектуальными наклонностями делятся мнениями». Одним из самых активных авторов сайта является Питер Бримелов. Бримелов и Ланд связаны с лондонской галереей искусств LD50, предоставляющей площадку для неореакционеров и неонацистов. Ресурс Shut Down LD50 Tumblr указывает на то, что Ланд «пропагандирует расизм, в его евгенической, этнонационалистической и культурной ипостасях». На биткоин-кошелёк Бримелова/VDARE довольно часто поступают пожертвования.

Ланд и Ярвин, будучи людьми, склонными к новым технологиям, не раз высказывались о биткоине. В 2013 году Ярвин писал, что цена биткоина «может опуститься до нуля и остаться там». В 2019 году Ланд намерен опубликовать книгу, посвящённую биткоину, под названием «Крипто-поток: биткоин и философия». Комментируя суждения Ярвина о криптовалюте, Ланд пишет: «Биткоин – это божество Ньярлатотеп». Речь идёт о воплощении хаоса, посланнике богов из мира, созданного Г. Ф. Лавкрафтом. Ньярлатотеп не имеет чёткой формы, однако всегда представляется как нечто очень отвратительное, бурлящее, постоянно меняющееся («ползучий хаос Ньярлатотеп»).

Автор сайта «Нигилист» Дмитрий Мрачник даёт прекрасное резюме в своём анализе «Тёмного просвещения»:

«В лучшем случае «Тёмное просвещение» – это просто консервативная пропаганда, направленная на сообщество технарей, а вообще, это скорее безобидное задротство, вро-

де облачения в костюмы колдунов и лазания по катакомбам.

В худшем случае, я думаю, последователи «Тёмного просвещения» являются частью других, менее привлекательных и более стрёмных сообществ – например, белого национализма. Белые националисты – разновидность тупиц, верящих, что существует нация под названием «белые», к которой они испытывают националистические чувства. Перефразируя героя Сэмюэля Джексона в фильме «Криминальное чтиво»: «Никогда не слышал о стране под названием Беляя!»

Менее известные, но не менее жалкие по сравнению с «тёмнопросвещенцами» – сообщество «мужесфера», клуб анонимных задротов, которые пишут противные вещи о женщинах из-за того, что им отказали в свидании или вроде того. Всем этим людям стоит немного отдохнуть. Например, посмотреть «Дживса и Вустера».

Неореакционный теоретик Ник Лэнд является также ведущим защитником акселерационизма – он рассматривает глобальный капитализм как ускоритель технологических изменений, которые в конце концов поставят искусственный интеллект на место человеческого. Один из критиков написал, что неореакция «совмещает в себе все самые омерзительные вещи, которые обычно свойственны либертарианцам... пикаперам, социал-дарвинистам, и толику полуироничной преданности абсолютизму. Политический проект неореакционеров – расколоть США на диктатуры по ти-

пу Сингапура» (Park MacDougald, «The Darkness Before the Right». The Awl, September 28, 2015).

Неореакционеры, известные своими преисполненными мистики графоманскими теориями – в основном молодые, ориентированные на IT-сферу мужчины, а их идеи распространяются через сообщества вокруг технологических стартапов. Сооснователь PayPal и сторонник президентской кампании Дональда Трампа Питер Тиль озвучивал близкие к неореакции идеи. В 2009, к примеру, он заявлял: «Я больше не верю в то, что свобода и демократия совместимы» и «Значительное расширение благосостояния и политических прав для женщин... превратили понятие «капиталистическая демократия» в оксюморон».

И Ярвин, и его коллега по неореакции Майкл Анисимов работали в компаниях, связанных с Тилем. Это вовсе не значит, что Тиль финансирует движение как таковое, но явно указывает на расхождения между неореакцией и более крупной техно-либертарианской идеологической базой Кремниевой долины.

«В конечном счёте, неореакция это критика всей либеральной, политкорректной догматичности, – комментирует некто WhiteDeerGrotto неореакционный блог Habitable Worlds. – «Собор», термин, придуманный Moldbug'ом, – это описание учреждений и силовых механизмов, которые распространяют и поддерживают этот догматизм – это центр во власти, состоящий из Лиги Плюща и других элитных уни-

верситетов, The New York Times и некоторых гражданских прислужников. Политкорректные пропагандисты утверждают, что люди полностью взаимозаменяемы, невзирая на их культуру или гены, и что определённая форма мультикультурной демократии всеобщего благосостояния это идеальное, финальное состояние для всего человечества. Неореакция говорит: нет. Мужчины и женщины биологически отличаются, гены имеют значение, а демократия глубоко ошибочна и принципиально неустойчива».

Несмотря на то, что альт-райты, в основном, соглашаются с неореакционными идеями, а некоторые наблюдатели считают оба движения одним и тем же, альт-райт и неореакция имеют существенные различия. Альт-райты могут ссылаться на народный суверенитет как достижение европейской цивилизации и попытаться выступить по антиэлитизму, но неореакционеры рассматривают обычных людей как не способную к управлению обществом «орущую и иррациональную массу», как сказал однажды их теоретик Ник Ленд.

Некоторые неореакционеры отстаивают монархию, другие хотят превратить государство в корпорацию с акционерами, которые бы составляли интеллектуальную элиту. Неореакционеры не обязательно переводят свой генетический расизм в призыв к расовой солидарности, в то время как для большинства альт-райтов раса – это смысл всего движения. В отличие от большинства альт-райтов, ведущие идеологи неореакции не поддержали Дональда Трампа. Вдобавок, пока

многие альт-райты исповедуют антисемитские идеи, неореакционеры, в основном, их не поддерживают. Некоторые из неореакционеров – евреи либо, как в случае с Ярвином, наполовину евреи. Забавно, что в словаре терминологии альт-райтов от The Right Stuff «неореакция» переводится как «евреи».

В то же время многие альт-райты рассматривают неореакцию как родственное движение, которое предлагает им интересные идеи. Некоторые авторы, вроде Стива Сэйлера, имели связи в обоих движениях. Альт-райт Грегори Худ считает, что белый национализм и неореакция дополняют друг друга: «Раньше я спорил с тем утверждением, что расы самой по себе достаточно, чтобы сделать основу государственной политики. Оно не очень хорошо раскрывает программу и то, как её будут выполнять. Неореакция и её теоретические предшественники – вот корень для понимания того, как работает общество и власть».

Анархо-плюралист Кит Престон аплодировал предложению неореакционера Майкла Аниссимова о создании отколовшихся от США анклавов «в удобных для обороны штатах с небольшим населением, вроде Айдахо». Сама по себе неореакция слишком эзотерична, чтобы иметь достаточно политического влияния, но её вклад в идеологию альт-райтов весьма существенен.

Манифест формалиста

Перевод статьи Менциуса Молдбага

Небольшой комментарий к переводу

Статья старая – 2007 года. В ней хорошо видно, что Молдбаг находился под большим влиянием идей либертарианства, но прямо отвергал идею про необходимость «взять и поделить», которая присутствует не только у социалистов и других левых, но также и у Ротбарда в виде идеи возврата титулов собственности, полученных с помощью агрессивного насилия. В подобных предложениях, как и в других выступлениях за раздел существующей государственной системы Молдбаг видит большой потенциал к насилию, которого он хочет избежать, поэтому предлагает собственный вариант политической философии, называя его «формализмом».

Суть предложенной идеи заключается в том, что права собственности в современном нам обществе недостаточно четко определены, особенно это касается тех сфер, которыми управляет государство и решения в которых должны, вроде как, решаться демократическим путем, и их нужно явно «формализовать», превратив государство из старой и неповоротливой корпорации с запутанными и нечетко установленными ролями и собственниками в корпорацию настоящую с распределением ее акций тем, кто реально ей управляет. Ну в общем, как вы уже можете заметить, от либертарианства он здесь так и не ушел, просто разочаровавшись в одном из его течений переизобрел другое.

«Манифест формалиста»

На днях я возился в своем гараже и решил создать новую идеологию.

Какую? Я имею в виду, я сумасшедший или что? Прежде всего, вы не можете просто создать идеологию. Они передаются через века, как рецепты лазаньи. Они должны стареть, как бурбон. Вы не можете просто выпить его прямо из радиатора.

И посмотри, что произойдет, если ты попробуешь. Что вызывает все проблемы мира? Идеология, вот что. Что общего между Бушем и Усамой? Они оба идеологические сумасшедшие. Нам нужно что-то еще?

Кроме того, просто невозможно создать новую идеологию. Люди говорили об идеологии с тех пор, как Иисус был маленьким мальчиком. По меньшей мере! И я якобы собираюсь улучшить это? Какой-то случайный человек в Интернете, который бросил учебу в аспирантуре и не знает греческого или латыни? Кто я такой, Уоллес Шон?

Это все отличные возражения. Давайте ответим на них, а затем поговорим о формализме.

Во-первых, конечно, есть пара прекрасно состарившихся традиционных идеологий, которые Интернет теперь предоставляет нам в мельчайших подробностях. У них много имен, но давайте назовем их прогрессизмом и консерватиз-

мом.

Моя претензия к прогрессивизму заключается в том, что по крайней мере в течение последних 100 лет подавляющее большинство писателей, мыслителей и умных людей в целом были прогрессивными. Поэтому любой интеллеktуал в 2007 году, который, если только не было какого-то искажения пространства в Интернете и мои слова транслируются в прямом эфире на Fox News, любой, кто читает это, в основном маринован в прогрессивной идеологии.

Возможно, это может немного ухудшить способность видеть любые проблемы, которые могут существовать в прогрессивном мировоззрении.

Что касается консерватизма, то не все мусульмане являются террористами, но большинство террористов являются мусульманами. Точно так же не все консерваторы являются кретинами, но большинство кретинот являются консерваторами. Современное американское консервативное движение, которое, как ни парадоксально, намного моложе, чем прогрессивное движение, хотя бы потому, что его пришлось заново изобрести после диктатуры Рузвельта, было явно затронутот этой публикой. Оно также страдает от избирательного восприятия, подсказывающего, что консерватор должен презирать все, что обожает прогрессист – причудливый врожденный дефект, который, кажется, не поддается лечению.

Большинство людей, которые не считают себя «прогрес-

сивными» или «консерваторами», – это одно из двух. Либо они «умеренные», либо «либертарианцы».

По моему опыту, наиболее разумные люди считают себя «умеренными», «центристами», «независимыми», «унидеологическими», «прагматичными», «аполитичными» и т. д. Учитывая огромные трагедии, вызванные политикой 20-го века, такая позиция вполне понятна. Это также, по моему мнению, является причиной большинства смертей и разрушений в современном мире.

Умеренность это не идеология. Это не мнение. Это не мысль. Это отсутствие мысли. Если вы считаете, что статус-кво 2007 года в основном праведен, то вы должны верить в то же самое, если машина времени доставила вас в Вену в 1907 году. Но если вы обошли Вену в 1907 году, говоря, что должен быть Европейский Союз, что африканцы и арабы должны управлять своими странами и даже колонизировать Европу, что любая форма правления, кроме парламентской демократии, является злом, что бумажные деньги полезны для бизнеса, что все врачи должны работать на государство и т. д. и т. д. – ну, возможно, вы могли бы найти людей, которые согласились с вами. Они не будут называть себя «умеренными», и никто другой тоже.

Нет, если вы были умеренным в Вене в 1907 году, вы думали, что Франц Йозеф I был величайшим человеком с тех пор, как нарезал хлеб. Так что это? Габсбурги или еврокра-ты? Довольно сложно провести различие по этому вопросу.

Другими словами, проблема с модерацией заключается в том, что «центр» не является фиксированным. Он движется. И поскольку он движется, и люди остаются людьми, они будут пытаться его двигать. Это создает стимул для насилия, чего мы, формалисты, стараемся избегать. Подробнее об этом чуть позже.

Мы оставили в стороне либертарианцев. Теперь я люблю либертарианцев до смерти. У моего процессора практически есть постоянный открытый разъем для Института Мизеса. На мой взгляд, любой, кто сознательно выбрал оставаться в неведении о либертарианской (и, в частности, Мизесианской-Ротбардианской) мысли, в эпоху, когда пара щелчков мыши накормит вас либертарианством достаточно, чтобы утопить лося, не интеллектуально серьезный человек. Кроме того, я программист, который читал слишком много научной фантастики – два основных фактора риска для либертарианства. Так что я мог бы просто сказать «читайте Ротбарда» и закончить на этом.

С другой стороны, трудно не заметить два основных факта о вселенной. Во-первых, либертарианство – чрезвычайно очевидная идея. Другой заключается в том, что оно никогда не было успешно реализовано.

Это ничего не доказывает. Но это говорит о том, что либертарианство, как всегда говорят его хулители, является по существу непрактичной идеологией. Я хотел бы жить в либертарианском обществе. Вопрос: есть ли путь отсюда туда?

И если мы туда доберемся, останемся ли мы там? Если ваш ответ на оба вопроса очевидно «да», возможно, ваше определение «очевидного» не совпадает с моим.

Вот почему я решил создать свою собственную идеологию – «формализм».

Конечно, в формализме нет ничего нового. Прогрессивисты, консерваторы, умеренные и либертарианцы все признают большие куски своих непереваренных реальностей. Даже слово «формализм» заимствовано из юридического формализма, который в основном является той же идеей в более скромной одежде.

Я не Виззини. Я просто какой-то чувак, который покупает много малоизвестных подержанных книг и не боится растереть их, добавить изюминку и переименовать результат в своего рода политические сурими. Почти все, что я могу сказать, доступно, с лучшим написанием, большим количеством деталей и гораздо большей эрудицией, в Jouvenel, Kuehnelt-Leddihn, Leoni, Burnham, Nock и т. д., и т. д., и т. д.

Если вы никогда не слышали ни об одном из этих людей, я тоже, пока я не начал процедуру. Если это вас пугает, то должно. Замена собственной идеологии очень похожа на операцию на мозге, сделанную своими руками. Это требует терпения, терпимости, высокого болевого порога и очень устойчивых рук. Кем бы вы ни были, у вас уже есть идеология, и если бы она хотела выйти, она бы сделала это сама.

Нет смысла начинать этот грязный эксперимент только

для того, чтобы установить какую-то другую идеологию, как это происходит только потому, что кто-то так сказал. Формализм, как мы увидим, – это идеология, разработанная фанатами для других фанатов. Это не комплект. Она не идет с батареек. Вы не можете просто вставить ее. В лучшем случае, это грубая отправная точка, чтобы помочь вам создать свою собственную идеологию DIY. Если вам неудобно работать с настольной пилой, осциллографом и автоклавом, формализм не для вас.

Она гласит:

Основная идея формализма заключается в том, что главной проблемой в человеческих делах является насилие. Цель состоит в том, чтобы разработать способ взаимодействия людей на планете удивительно ограниченного размера без насилия.

Особенно организованного насилия. Хороший формалист считает, что, помимо организованного насилия над людьми, все другие проблемы – бедность, глобальное потепление, моральный распад и т. д. и т. д. и т. д. – в основном незначительны. Возможно, как только мы избавимся от насилия, мы можем немного беспокоиться о Моральном Разложении, но, учитывая, что организованное насилие убило пару сотен миллионов человек в прошлом столетии, тогда как Моральный Разложение дало нам «American Idol», я думаю, что приоритеты довольно ясны.

Фишка в том, чтобы смотреть на это не как на моральную

проблему, а как на техническую проблему. Любое решение, которое решает проблему, является приемлемым. Любое решение, которое не решает проблему, не является приемлемым.

Например, существует существующая идея под названием пацифизм, часть общего прогрессивного набора, которая претендует на решение проблемы насилия. Насколько я понимаю, идея пацифизма заключается в том, что если мы с вами не можем быть жестокими, то все остальные не будут жестокими тоже.

Я не сомневаюсь, что пацифизм эффективен в некоторых случаях. В Северной Ирландии, например, это, кажется, неплохая вещь. Но в этом есть своего рода логика «сотой обезьяны», которая постоянно ускользает от моего линейного западного разума. Меня поражает, что если все являются пацифистами, а затем один человек решает не быть пацифистом, он в конечном итоге правит миром. Хм.

Еще одна трудность заключается в том, что определение «насилия» не так очевидно. Если я осторожно освобожу тебя от твоего кошелька, а ты гонишься за мной со своим Глоком и заставляешь меня умолять меня вернуть его, кто из нас совершает насилие? Предположим, я говорю, ну, это был ваш кошелек, но теперь это мой кошелек?

Это предполагает, по крайней мере, что нам нужно правило, которое говорит нам, чей кошелек – чей. Насилие – это то, что нарушает правило или заменяет его другим пра-

вилом. Если правило ясно, и все следуют ему, насилия не происходит.

Другими словами, насилие означает конфликт плюс неопределенность. Пока в мире есть кошельки, конфликт будет существовать. Но если мы сможем устранить неуверенность – если есть однозначное, нерушимое правило, которое заранее сообщает нам, кто получает кошелек, у меня нет причин просунуть руку к вам в карман, а у вас нет причин бежать за мной, устраивая дикую стрельбу в воздух. Ни одно из наших действий по определению не сможет повлиять на исход конфликта.

Насилие любого размера не имеет смысла без неопределенности. Рассмотрим войну. Если одна армия знает, что проиграет войну, возможно, по совету какого-то непогрешимого оракула, у нее нет причин сражаться. Почему бы не сдаться и не покончить с этим?

Но это только умножило наши трудности. Откуда все эти правила? Кто делает их нерушимыми? Кто станет оракулом? Почему кошелек «твой», а не «мой»? Что произойдет, если мы не согласны с этим? Если для каждого кошелька есть одно правило, как все могут их запомнить? И предположим, что это не ты, а я, кто получил Глок?

К счастью, великие философы потратили много долгих часов на размышления об этих деталях. Ответы, которые я даю вам, принадлежат им, а не мне.

Во-первых, один разумный способ создать правила состо-

ит в том, что вы связаны правилом, если и только если вы согласны с ним. У нас нет правил, которые сделаны где-то богами. То, что у нас есть, на самом деле вовсе не правила, а соглашения. Конечно, согласиться с чем-то, а затем, по вашему усмотрению, перестать соглашаться с этим, является хамством. Фактически, когда вы заключаете соглашение, само соглашение вполне может включать последствия такого безответственного поведения.

Если вы дикий человек и вы не согласны ни с чем – даже с тем, что вы не будете просто случайно убивать людей на улице – это нормально. Иди и живи в джунглях или что-то в этом роде. Не ожидайте, что кто-нибудь разрешит вам ходить по их улице, так же, как они не допустят, скажем, белого медведя. Не существует абсолютного морального принципа, согласно которому белые медведи являются злом, но их присутствие просто несовместимо с современной городской жизнью.

Мы начинаем видеть здесь два вида соглашений. Есть соглашения, заключенные с другими конкретными лицами – я согласен покрасить твой дом, ты согласен заплатить мне. И есть соглашения типа «Я не буду никого убивать на улице». Но действительно ли эти соглашения отличаются? Я так не думаю. Я думаю, что второй тип соглашения – это просто ваше соглашение с тем, кто владеет улицей.

Если у кошелеков есть владельцы, почему у улиц не должно быть владельцев? У кошелеков должны быть владельцы,

очевидно, потому что в конечном итоге кто-то должен решить, что происходит с кошельком. Он у тебя в кармане или у меня? Улицы остаются на месте, но еще предстоит принять много решений – кто прокладывает улицу? Когда и почему? Разрешено ли людям убивать людей на улице или это одна из тех улиц, где нельзя убивать? Как насчет уличных торговцев? И так далее.

Очевидно, что если мне принадлежит 44-я улица, а вам 45-я и 43-я, возможность сложных отношений между нами становится нетривиальной. А сложность стоит рядом с двусмысленностью, которая стоит рядом с неопределенностью, и снова появляются Глоки. Таким образом, в действительности, мы, вероятно, говорим больше о владении не улицами, а более крупными, более четко определенными единицами – возможно, кварталами или даже городами.

Владеть городом! Это было бы круто. Но это возвращает нас к проблеме, которую мы полностью пропустили, а именно, кому что принадлежит. Как мы это решаем? Я заслуживаю владеть городом? Я достоин? Я думаю, что да. Может быть, вы могли бы сохранить свой кошелек, а я мог бы получить, скажем, Балтимор.

Существует такая идея, называемая социальной справедливостью, в которую многие люди верят. На самом деле это понятие довольно универсально. Это говорит нам о том, что Земля маленькая и имеет ограниченный набор ресурсов, таких как города, которые мы все хотим иметь так много, как

это возможно. Но у нас всех не может быть по городу или даже улице, поэтому мы должны делиться поровну. Потому что все люди равны, и никто не равнее других.

Социальная справедливость звучит очень хорошо. Но у нее есть три проблемы.

Одной из них является то, что многие из этих приятных вещей не сопоставимы напрямую. Если я получу яблоко, а ты апельсин, мы равны? Можно спорить на эту тему – возможно, с Глоксом.

Во-вторых, даже если все начинают с равного положения во всем, все люди все равно разные с разными потребностями, навыками и т. д., и концепция собственности подразумевает, что если у вас есть что-то, вы можете передать кому-то другому, вряд ли все останутся равными. Фактически, это в принципе невозможно: объединить систему, в которой соглашения остаются согласованными, с системой, в которой равенство остается равным.

Это говорит нам о том, что если мы попытаемся обеспечить постоянное равенство, мы, вероятно, можем ожидать постоянного насилия. Я не большой поклонник «эмпирических данных», но я думаю, что этот прогноз довольно хорошо соответствует действительности.

Но три, то есть настоящий убийца данной концепции, так сказать, это то, что мы на самом деле не создаем здесь абстрактную утопию. Мы пытаемся исправить реальный мир, который, если вы не заметили, крайне испорчен. Во многих

случаях нет четкого соглашения о том, кому что принадлежит (Палестина, какая-нибудь?), но большинство хороших вещей в мире, похоже, имеют довольно определенную цепочку контроля.

Если мы должны начать с выравнивания распределения товаров или, фактически, вообще изменить это распределение, мы совершенно излишне оказываемся в неловком положении. Мы говорим, мы пришли с миром, мы верим, что все должны быть свободными и равными, давайте обниматься. Обними меня. Чувствуете этот комок в моем заднем кармане? Да, это то, что вы думаете, это. И это заряжено. Теперь сдайте свой город / кошелек / яблоко / апельсин, потому что я знаю кое-кого, кто нуждается в этом больше, чем вы.

Цель формализма – избежать этого неприятного небольшого обходного пути. Формализм гласит: давайте выясним, у кого что есть сейчас, и дадим им небольшую прикольную справку. Давайте не будем вдаваться в то, кто что должен иметь. Потому что, нравится вам это или нет, это просто рецепт для большего насилия. Очень трудно придумать правило, которое объясняет, почему палестинцы должны вернуть Хайфу, и не объясняет, почему валлийцы должны вернуть Лондон.

Пока что это звучит очень похоже на либертарианство. Но есть большая разница.

Либертарианцы могут думать, что валлийцы должны вернуть Лондон. Или нет. Я все еще не уверен, что могу истол-

ковать Ротбарда по этому вопросу, который, как мы видели, сам по себе является проблемой.

Но если есть то, во что верят все либертарианцы, так это то, что американцы должны вернуть Америку. Другими словами, либертарианцы (по крайней мере, настоящие либертарианцы[*Ротбардианцы, конечно, прим. переводчика]) считают, что США – это в основном нелегитимный и узурпирующий орган, что налогообложение – это воровство, что эта странная, служебная вооруженная мафия, по сути, рассматривает их как пушных зверей, и это она убедила всех в стране поклоняться ей, как будто это была церковь Божья или что-то в этом роде, а не просто парни с причудливыми значками и большими ружьями.

У хорошего формалиста этого не будет.

Потому что для формализма тот факт, что США могут определить, что происходит на североамериканском континенте между 49-й параллелью и Рио-Гранде, Аляской и т. д., означает, что эта территория принадлежит субъекту. И тот факт, что США извлекают регулярные платежи из вышеупомянутых пушных марионеток, означает не более того, что им принадлежит это право. Различные маневры и псевдоправительство, с помощью которых он приобрел эти свойства, – это всего лишь история. Важно то, что они есть у него сейчас, и он не хочет их отдавать, так же, как вы не хотите отдавать мне свой кошелек.

Так что, если необходимость отстегивать какую-то долю

вашей зарплаты, делает вас крепостным, то это означает, что американцы – крепостные.

Корпоративные крепостные, если быть точным, потому что США – это не что иное, как корпорация. То есть это формальная структура, с помощью которой группа людей соглашается действовать сообща для достижения какого-то результата.

Ну и что? Таким образом, я корпоративный крепостной. Это так ужасно? Я, кажется, довольно привык к этому. Два дня в неделю я работаю на лорда Снути-Снута. Или Безликие Глобальные Продукты. Или кто угодно еще. Имеет ли значение, кому выписан чек?

Современное разделение между «частными» корпорациями и «правительствами» на самом деле является сравнительно недавним изобретением. США, безусловно, отличаются от, скажем, Microsoft тем, что США занимаются собственной безопасностью. С другой стороны, так же, как Microsoft зависит от США в большей части своей безопасности, США зависят от Microsoft в большей части своего программного обеспечения. Непонятно, почему это должно сделать одну из этих корпораций особенной, а другую – не особенной.

Конечно, цель Microsoft не в том, чтобы писать программы, а в том, чтобы зарабатывать деньги для своих акционеров. Американское Онкологическое Общество – это тоже корпорация, и у нее тоже есть цель – вылечить рак. Я потерял много работы из-за так называемого «программного обеспе-

чения» Microsoft, и его запасы, откровенно говоря, никуда не денутся. И рак все еще кажется существует.

В случае, если генеральный директор MSFT или ACS читает это, у меня тут нет сообщения для вас, ребята. Вы знаете, что вы пытаетесь сделать, и ваши люди, вероятно, справляются с этим как можно лучше. А если нет, увольте этих ублюдков.

Но я понятия не имею, какова цель США.

Я слышал, что есть кто-то, кто якобы управляет ими. Но он, похоже, даже не может уволить своих сотрудников, что, вероятно, хорошо, потому что я слышал, что он не совсем Джек Уэлч, если вы понимаете, о чем я. На самом деле, если кто-то сможет идентифицировать одно существенное событие, которое произошло в Северной Америке, потому что в 2004 году был избран Буш, а не Керри, я был бы рад услышать об этом. Потому что у меня сложилось впечатление, что в основном Президент оказывает такое же влияние на действия США, как Небесный Суверенный Император, Божественный Микадо, на действия Японии. То есть в значительной мере не оказывает.

Очевидно, что США существуют. Очевидно, они что-то делают. Но то, как они решают, какие вещи они собираются делать, настолько непрозрачно, что для всех, кто находится за пределами Вашингтона, можно было бы с тем же успехом обратиться с этим вопросом к внутренностям вола.

Итак, это манифест формалиста: США – это просто кор-

порация. Это не мистический договор, переданный нам поколениями. Это не хранилище наших надежд и страхов, голос совести и мстительный меч справедливости. Это просто большая старая компания, которая владеет огромной кучей активов, не имеет четкого представления о том, что она пытается с ними сделать, и мечется, как акула весом десять галлонов в ведре на пять галлонов, и красные чернила струятся из базиллиона жабр.

Для формалиста способ исправить США – это обойтись без древнего мистического хрена, корпоративных молитв и военных песнопений, выяснить, кому принадлежит это чудовище, и позволить им решить, что, черт возьми, они собираются с ним делать. Я не думаю, что было бы слишком безумно говорить, что все варианты – включая реструктуризацию и ликвидацию – должны быть на столе.

Независимо от того, говорим ли мы о США, Балтиморе или о вашем кошельке, формалист рад, если право собственности и контроль – это одно и то же. Поэтому, чтобы перестроить общество, нам нужно выяснить, кто имеет реальную власть в США, и распределить акции таким образом, чтобы максимально точно воспроизвести это распределение.

Конечно, если вы верите в мистического хрена, вы, вероятно, скажете, что каждый гражданин должен получить одну долю. Но это довольно мечтательный взгляд на реальную структуру власти в США. Помните, наша цель не в том, чтобы выяснить, у кого что должно быть, а в том, кто что имеет.

Например, если бы New York Times одобрила наш план реформирования, его осуществление стало бы гораздо более вероятным. Это говорит о том, что New York Times обладает достаточной властью и потому должна получить немало акций.

Но подождите. Мы не ответили на вопрос. Какова цель США? Предположим, исключительно для иллюстрации, что мы передаем все акции New York Times. Что «Пунш» Зульбергер сделает со своей блестящей новой страной?

Многие люди, возможно, в том числе и г-н Зульцбергер, считают США благотворительным предприятием. Как Американское Онкологическое Общество, просто с более широкой миссией. Возможно, цель США – просто делать добро в мире.

Это очень понятная перспектива. Конечно, если в мире осталось что-то плохое, оно может быть побеждено гигантской, хорошо вооруженной мега-благотворительностью, с Н-бомбами, флагом и 250 миллионами крепостных. На самом деле, довольно удивительно, что, учитывая огромные способности этого великого филантропического учреждения, кажется, он наносит не очень много добра.

Возможно, это как-то связано с тем, что он работает настолько эффективно, что не может сбалансировать свой бюджет с 1830-х годов. Возможно, если бы вы реформировали США, управляли ими как реальным бизнесом и распределили бы их акции среди большого числа отдельных благотвори-

рительных организаций, каждая из которых, вероятно, имела определенный устав для какой-то конкретной конкретной цели, могло бы произойти больше пользы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.